БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

НАЧАЛА И ВЛАСТЬ

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
доцент Сретенской духовной академии
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Общецерковной аспирантуры и докторантуры
им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: *Задорнов А. В., прот.* Начала и власть // Праксис. 2025. № 4 (21). С. 112–121.
DOI: 10.31802/PRAXIS.2025.21.4.008

Аннотация УДК 348.02

В статье рассматриваются оригинальные и переводные издания, посвящённые теории анархии и анархизму в целом. Демонстрируется различие методологических подходов к презентации анархизма, сказывающееся на разнице исследовательских выводов, что, в свою очередь, влияет на теологическую оценку явления. Анархизм рассматривается как опыт общественного «горизонтального» самоуправления, что не исключает необходимости описания такого самоуправления в категориях начала и власти, входящих в тезаурус политической теологии.

Ключевые слова: практическая теология, философия права, государство, анархия, власть, политическая теология, Церковь, государство и общество, В. Волков, Д. Агамбен, Кинна Р., Вард К.

Origins and Power

Archpriest Alexander Zadornov
PhD in Theology
Head at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Moscow Theological Academy
Associate professor of the Sretensky Theological Academy
Assistant Professor of Church and Practical Studies Department
Saints Cyril and Methodius Church-wide Post-graduate and Post-graduate Studies
Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia
azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander, archpriest. "Origins and Power". *Praxis*, № 4 (21), 2025, pp. 112–121 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2025.21.4.008

Abstract. The article examines original and translated publications dedicated to the theory of anarchy and anarchism in general. It demonstrates the differences in methodological approaches to the presentation of anarchism, which result in varying research conclusions and, in turn, influence the theological assessment of the phenomenon. Anarchism is viewed as an experience of social 'horizontal' self-governance; however, this does not preclude the need to describe such self-governance in terms of origins (arché) and power, which are part of the conceptual framework of political theology.

Keywords: practical theology, philosophy of law, the State, anarchy, power. political theology, Church, State and society, V. Volkov, G. Agamben, R. Kinna, C. Ward.

Обычно жанр «кратких введений» не предполагает специальных концепций или погруженности в какой-то особый контекст. Тем ироничнее выбор редакцией серии «Азбука понятий» в качестве автора книги *об анархии* ректора Европейского университета в Санкт-Петербурге Вадима Волкова, выпустившего в той же серии в 2018 году книгу *о государстве*. Собственно, сам автор начинает с того, что негативное понятие анархии вплоть до Прудона не занимало значимого места в политическом лексиконе Модерна, поскольку это место было занято именно государством. Ядро книги поэтому — «понятие анархии, его использование в теории и на практике и история попыток отважных людей дойти до мыслительных пределов по части социальной организации, заглянуть по ту сторону начала — туда, где ничего нет, и снова усомниться в аксиоме о безальтернативности государства»[1]. Этой цели служат в книге доктринальная, активистская и эмпирическая презентации анархии.

В первой из них автор подробно исследует путь от анархии к анархизму. Ключевым понятием для этого служит безгосударственный общественный порядок, резко отрицательно оценивавшийся Гоббсом на заре Модерна (естественное состояние как война всех против всех и, тем самым, анархия) к определению анархии как прогрессивной формы правления Прудоном в XIX столетии. Отменив гоббсовского Левиафана, Прудон понимает общественный договор как контракт, заключенный гражданами не с государством, а исключительно между собою. Пришедший на смену Прудону Бакунин уже видел такую общественную солидарность в русской крестьянской общине. Аналогично Кропоткин перевел анархизм в область естествознания, считая, что биологическая эволюция и социальный прогресс зиждутся не на борьбе, а на человеческой солидарности и взаимной зависимости, в то время как природу государства составляет сговор привилегированных сословий. Заметим, что преувеличенные ожидания в отношении крестьянской общины роднят классиков анархизма со второй волной российских славянофилов, что, впрочем, составляет отдельный сюжет истории русской социальной мысли.

Именно жизнь в небольших общинах является идеалом анархистской солидарности в укор бездушному «земному богу» Гоббса. Порою этот идеал напоминает современный ему образ полноты человеческой жизни у Рёскина и других прерафаэлитов, но если последних заботит

1 *Волков В.* Анархия, или Жизнь без начальника. СПб., 2026. С. 17.

эстетика, анархисты вводят этику в социальные отношения, прежде всего — в экономические. Единственной альтернативой капитализму «им виделся возврат к малым гибким формам производства, кооперативам, отраслевым и территориальным союзам, производящим всё необходимое для жизни города или области»[2]. Этот подход отвечал антропологическим и даже экологическим представлениям анархизма: разносторонне личности должно соответствовать разнообразие местных промыслов и искусств, лишенных цели постоянного роста и истощения ресурсов.

В. Волков подробно останавливается на «христианском анархизме» Льва Толстого, поясняя при этом, что этот непонятно кем введённый термин связан с идеями Толстого о пути человечества к якобы христианскому идеалу общества без насилия, юридизма и государства. «Истинный смысл христианства, — резюмирует автор толстовскую идею — состоит в том, чтобы заменить закон человеческий (государственную систему организованного принуждения) законом Божьим. И первый шаг к этому — неучастие людей в деятельности государства, пассивное сопротивление»[3]. Следует добавить к этому, что толстовская критика государства носит тотальный характер, для него это не «необходимое зло», а нелепое суеверие, которое держится исключительно на обмане и насилии: «Лжеучение государства состоит в признании себя соединенным с одними людьми одного народа… и отделенным от остальных людей других народов и других государств. Люди мучают, убивают, грабят друг друга и самих себя из-за этого ужасного лжеучения»[4]. Важно отметить при этом, что по мнению «злого гения» Льва Николаевича, его секретаря В. Г. Черткова, анархизм Толстого не политический, это жизнепонимание, а не система внешних установлений[5]. Забавно при этом, что религиозный рационализм Толстого сменился вскоре модным мистическим анархизмом русского Серебряного века (Г. Чулков, Вяч. Иванов, А. Блок), для которого сам смысл движения есть выход за пределы всех внешних норм, не только государственных, но и моральных, и религиозных догматов: «Под *мистическим анархизмом* я разумею учение о путях последнего освобождения, которое заключает в себе *последнее утверждение личности* в начале абсолютном»[6]. Недаром даже для Мережковского эта претензия служила примером дегенерации духа и хулиганства.

2 Там же. С. 43.
3 Там же. С. 62.
4 Анархизм: pro et contra. СПб., 2015. С. 305.
5 Там же. С. 324.
6 Там же. С. 712.

Активистское проявление анархизма по мнению автора часто было неконкурентоспособным из-за реализации уже в начале XX века идеи социального государства: «Те теоретики анархии, которые видели её в догосударственных общинах прошлого и отрицали стремительный индустриальный прогресс своего времени, выглядели архаично и проигрывали марксистам в борьбе за умы»[7]. К тому же, анархистская критика государства игнорировала легитимность последнего в снижении уровня классовых конфликтов и повышению уровня национальной солидарности (особенно в самом начале I Мировой войны).

Главным событием в анархистской теории конца XX столетия стал переход от надежд на усовершенствование человеческой природы как залога успеха горизонтальных форм социальной организации к ставке на прорыв в сфере ИТ в современном либертарианском криптоанархическом сообществе. Для борьбы с гоббсовским Левиафаном уже не нужно оккупировать Уолл-стрит, достаточно «создать параллельный цифровой мир, превратить граждан в пользователей и в конечном итоге заменить этим цифровым миром реальную политику. Реализовать мечту о жизни без начальника снова виделось возможным, но для этого нужны соответствующие алгоритмы и вычислительные мощности»[8].

Для оценки книги В. Волкова вспомним две переводные работы жанра «краткое введение», доступные на русском языке. Книга Рут Кинны «Никакой власти: теория и практика анархизма» (2019) представляет собой один из самых полных современных обзоров анархистской мысли. Кинна, профессор политической теории в Университете Лафборо, ставит целью избавить анархизм от ярлыка «хаоса» и представить его как сложную, глубоко структурированную систему социальной организации; анархизм — это не отсутствие порядка, а специфический способ его осмысления через отрицание государственной воли, доктрина, которая бросает вызов власти государства и авторитету правительства. Это политическая философия, которая утверждает, что государство не является ни необходимым, ни желательным». Как и В. Волков, автор проводит важное различие между «анархией» как состоянием и «анархизмом» как движением, подчеркивая, что критики часто путают их, чтобы дискредитировать идею. Анархия — это состояние общества без правительства; анархизм — это движение, которое стремится к его созданию.

Одним из центральных тезисов Кинны является то, что анархисты не выступают против правил как таковых, они выступают против

7 *Волков В.* Анархия, или Жизнь без начальника. С. 69.

8 Там же. С. 135–136.

законов, навязанных сверху силой. Кинна детально анализирует, как анархистская теория предлагает заменить вертикальную иерархию (власть) горизонтальным взаимодействием (самоуправлением). В отличие от марксизма, анархизм у Кинны предстает не как конечная точка истории, а как постоянная практика «анархизации» повседневной жизни. Хотя книга посвящена политике, Кинна затрагивает вопросы светской религии и того, как государство заимствует авторитет у теологических структур. Она доказывает, что анархизм — это не наивный проект, а «скептический анализ власти» и подчеркивает, что анархистская критика государства остается актуальной именно потому, что она деконструирует саму идею «необходимости» принудительного управления, предлагая взамен сложные модели федерализма и взаимопомощи. При этом Кинна настроена вполне оптимистично относительно перспектив внедрения элементов анархизма в современном обществе: «Шансы на анархизацию наших отношений и институтов намного выше, чем вероятность полной замены государства анархией. Одним из важнейших компонентов этого процесса является укрепление доверия, и здесь анархизм преуспевает»[9].

В отличие от классиков XIX века, в своей книге «Анархизм. Очень краткое введение» Колин Вард пишет об анархизме не как о далекой утопии или призыве к насилию, а как о «подспудном течении», которое проявляется всякий раз, когда люди организуются без начальников. Вард определяет анархизм как социальную и политическую идеологию, основанную на свободном соглашении. Он подчеркивает, что анархисты были единственными левыми, кто предсказал провал централизованного социализма. Вард считает, что анархические отношения существуют в обществе здесь и сейчас, проявляясь в дружбе, в волонтерстве, в соседской взаимопомощи, государство лишь паразитирует на этих связях. Вард формулирует четыре принципа, на которых должны стоять анархистские организации: они должны быть добровольными, функциональными, временными и маленькими, поскольку в таких группах нет простора для развития тенденций к бюрократизации и иерархизации. Такое *общество* способно заботиться о себе само, если государство не будет «высасывать» ресурсы налогами. Вард уделяет большое внимание тому, как анархистские идеи изменили повседневную жизнь, связывает анархизм с «зеленым движением» и идеей «Европы регионов», противопоставляя их национальным государствам. Вард

9 *Кинна Р.* Никакой власти. Теория и практика анархизма. М., 2022. С. 282.

показывает, что анархизм — это ответ на проблемы современного менеджеризма и глобализации: «Альтернативные модели общественного контроля над местной системой услуг могли возникнуть вследствие народного разочарования в бюрократическом государственном патронировании. Анархисты верят, что после неизбежного разочарования будет вновь открыта альтернативная концепция социализма, и доказывают, что отождествление общественного благополучия с бюрократическим менеджеризмом на полвека задержало разработку других подходов»[10]. Главный конфликт книги — не «бедные против богатых», а «общество против государства».

Здесь было бы интересно рассмотреть взгляды на анархизм интеллектуалов одного поколения. Так, идеолог либертарианства Роберт Нозик в работе «Анархия, государство и утопия» (1974) не отказывается от государства полностью, предлагая модель «минимального государства» как защитной рамки, внутри которой люди могут добровольно строить анархические сообщества. безразличию к власти. Это анархизм «интро-пространства», выводящий государство из анархии, соблюдая все этические требования сторонников безвластия. Если у всех индивидов есть права, то их нельзя нарушать ни при каких условиях, даже ради «общего блага» и гоббсовского мира. Иными словами, государство может возникнуть легитимно, не нарушая прав собственности, сам процесс перехода от «естественного состояния» к минимальному государству через механизмы «невидимой руки». Само это минимальное государство возникает, когда созданная гражданами ассоциация по охране мира начинает запрещать «независимым» (тем, кто не купил её услуги) использовать сомнительные методы самосуда, взамен предоставляя им свою защиту. При этом Нозик выступает против концепции «распределительной справедливости», которую продвигал Джон Ролз. Для либертарианцев справедливость не распределение «по потребностям», а когда имущество получено законным путем (через труд или добровольный обмен). По Нозику любое государство, которое делает больше, чем просто защищает от насилия (например, строит дороги или платит пособия), нарушает права людей, даже налогообложение доходов он приравнивает к принудительному труду. Отстаивая внутри государства собственную автономную зону, группа людей может создать коммуну, жить при социализме или теократии — главное, чтобы это было добровольно. Поясняя эту идею, Нозик отмечает,

10 *Вард К.* Анархизм. Очень краткое введение / пер. с англ. М., 2009. С. 19.

что «это рамка для утопий, место, где люди вольны добровольно объединяться, чтобы попытаться реализовать собственный идеал хорошей жизни в идеальном сообществе, где, однако, никто не может *навязать* другим собственные представления об утопии»[11]. Книга Нозика — попытка «оправдать» государство перед лицом анархистской критики, мост между радикальным анархизмом и классическим либерализмом.

Из относительно недавних книг об анархизме работа Джорджо Агамбена «Творение и анархия» (2017) представляет особый интерес. В отличие от Бакунина или Кропоткина, которые писали о социально-политическом устройстве, Агамбен рассматривает анархию как онтологическую категорию, как способ бытия человека, свободного от власти «принципов» и «команд». Через анализ *archè* («начало/команда») Агамбен показывает, что анархия — это способность к «бездействию» (*inoperosità*). Это не лень, а состояние, в котором человек «выключает» функциональность институтов (права, экономики), чтобы вернуть себе возможность просто *быть*. Истинная анархия не просто отсутствие правительства, а разрыв связи между нашим происхождением и необходимостью подчиняться какому-либо закону или «проекту»: «Власть перестаёт существовать не тогда, когда ей не повинуются… но тогда, когда она перестаёт отдавать приказы»[12]. Опираясь на Вальтера Беньямина, Агамбен анализирует капитализм как самую радикальную религию в истории. Её бог — деньги, её молитва — труд, а её главный продукт — вечный долг (который в европейских языках этимологически совпадает с понятием «вина»). Агамбен обращается к опыту Франциска Ассизского, чтобы найти пример жизни, которую невозможно «присвоить» или отрегулировать законом. Бедность здесь — это не нищета, а отказ от юридического права собственности в пользу простого пользования, «*это взаимоотношение с неприсваиваемым; быть бедным значит находиться во взаимоотношении с неприсваиваемыми благами*»[13]. Анархия для Агамбена это состояние, в котором мы «выключаем» функции объектов и институтов (права, государства, экономики), чтобы использовать их по-новому, не по назначению, а ради «собственного счастья». Агамбен цитирует Пазолини («Единственная подлинная анархия — это анархия власти»), подчеркивая, что современный порядок сам по себе хаотичен и произволен, и чтобы противостоять ему, нужно понять его «безначальную» (анархическую) природу.

11 *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М., 2008. С. 381.

12 *Агамбен Дж.* Творение и анархия. Жесты в три слога. М., 2024. С. 102.

13 Там же. С. 72.

Христианский подход к идее общественного горизонтального самоуправления демонстрируют не восхищенные адепты средневековых сект и коммун, не толстовцы или протестантские социалисты, но, прежде всего, мыслители московской школы возрождённого естественного права. Так, Иван Ильин в «Предпосылках анархизма» рассматривает анархизм как симптом духовного кризиса, основанный на «отрицании права и государства» из-за дефекта правосознания: «Анархизм, как учение об идеальном будущем, не есть новое создание нового времени… Это — исторически древняя, тысячелетняя мечта человечества»[14]. Учитель Ильина П. И. Новгородцев видит в анархизме не «бандитизм», а «кризис современного правосознания». Для него анархизм есть крайняя точка развития европейского рационализма и утопизма: «Революционные замыслы его оказались несбыточными мечтами; конкретные планы его противоречивы и сбивчивы; но тот дух свободы, который представляется анархизму высшей святыней, который он полагает необходимым отстаивать прежде всего другого, есть действительно вечное и священное начало. В анархизме это начало выражается в форме исключительной и односторонней; в жертву ему приносятся все высшие связи жизни. В этом заключается утопизм анархической доктрины»[15]. Этим он подчеркивает, что анархисты строят свои системы, исходя из ложной предпосылки о готовности человека уже по природе своей к абсолютной свободе. Новгородцев считает, что право и государство — это не «оковы», а необходимые подпорки для несовершенной человеческой природы. Русский правовед при этом признавал, что идеал «общества без принуждения» — это благородная высокая мечта, но попытка воплотить этот идеал прямо сейчас политическими средствами неизбежно ведет к еще большему насилию. Тем самым анархизм можно назвать религиозным порывом, ошибочно принятым за политический план. Свобода духа возможна, но «свобода от государства» в земных условиях это миф. Закон не просто «палка» начальника, а результат многовекового развития культуры, вместе с разрушенным государством рухнет и та тонкая культурная прослойка, которая делает нас людьми.

Современный анархизм эволюционировал от планов захвата власти к глубокой онтологической и антропологической критике. Анархическое зерно сохраняется и даже прорастает в современной культуре и потому требует дальнейшего теологического осмысления.

14 Анархизм: pro et contra. С. 180.

15 Там же. С. 178.

Библиография

Агамбен Дж. Творение и анархия. Жесты в три слога. М.: Гилея, 2024.

Анархизм: pro et contra: социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей: антология / сост. П. И. Талеров. СПб.: Изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2015. (Серия «Русский путь»).

Вард К. Анархизм. Очень краткое введение / пер. с англ. М.: Текст, 2009.

Волков В. Анархия, или Жизнь без начальника. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2026. (Азбука понятий; вып. 18).

Кинна Р. Никакой власти. Теория и практика анархизма. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2008.